

На правах рукописи

Хурматуллин Азат Камилевич

**МЕТАФОРИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ
ТАТАРСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(НА ПРИМЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ИНТЕРВЬЮ)**

Специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(татарский язык)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2011

Диссертация выполнена на кафедре
истории татарского языка и общего языкознания ФГАОУВПО
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Кузьмина Халиса Хатиповна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Гарифуллин Васил Загитович

кандидат филологических наук, доцент
Исхакова Зайтуна Асхатовна

Ведущая организация: **ФГОУ ВПО «Чувашский
государственный
университет им. И.Н. Ульянова»**

Защита состоится 17 февраля 2011 года в 14.00 на заседании диссертационного Совета Д 212.081.12 в ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35 (2-й учебный корпус), ауд. 1113.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета <http://www.ksu.ru>.

Автореферат разослан «___» января 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
д-р филол. н., проф.

А.Ш. Юсупова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В последние десятилетия в нашем обществе наблюдаются демократические преобразования, в результате которых усиливается переосмысление роли языка в современном обществе, а также сфер деятельности, неразрывно связанных с общественным сознанием. Одновременно с этими процессами возрастает интерес к языку политики и политическому дискурсу, которые в настоящее время входят в число наиболее актуальных проблем политической лингвистики. В контексте изучения политического дискурса важнейшая роль принадлежит концептуальной метафоре как инструменту познания и категоризации политической действительности, а также фразеологизму как средству выразительности и экспрессивности, которые, отражая специфику национального сознания, способствуют более глубокому пониманию политических процессов и явлений.

Одними из перспективных направлений в современной когнитивной лингвистике являются исследования в области теории концептуальной метафоры и изучение конкретных метафорических моделей политического дискурса. Поскольку метафорика, будучи согласованной с основными культурными ценностями, отражает особенности национального мышления, изучение метафорического моделирования политических событий дает возможность выявить особенности метафорической картины мира определенной политической эпохи. При этом важную роль играют такие дискурсивные факторы как общественно-политическая ситуация, характеристики политических реалий, политологические особенности рассматриваемого явления и т.д.

Когнитивная лингвистика рассматривает язык как совокупность знаний человека о мире, которая проявляется через систему знаков, участвующих в репрезентации и трансформировании информации. Следовательно, в языке как системе репрезентации человеческих знаний о мире непосредственно отражается языковая картина мира. Одними из наиболее продуктивных средств исследования языковой картины мира являются фразеологизмы, которые содержат в себе характерологические черты мировидения. Значимую роль фразеологические единицы (ФЕ) играют при восприятии и описании политической действительности. По мнению исследователей, политические изменения в стране, связанные с общей демократизацией жизни общества, обусловили более свободное отношение участников коммуникации к выбору языковых средств выражения в целях повышения эмоциональности и выразительности речи, что в свою очередь привело к увеличению количества фразеологизмов в политическом дискурсе.

Изучение метафор и ФЕ в татарских политических интервью, наряду с выявлением особенностей татарского менталитета, будет способствовать определению в языке политики «проблемных мест», наиболее глубоко подверженных влиянию интерференции, что позволит в будущем избежать политикам употребления в своей речи лексики, не свойственной татарскому языку.

Степень изученности проблемы. В настоящее время, как в зарубежном, так и в русском языкознании существует большое количество работ, посвященных изучению метафоры в рамках когнитивного подхода. У истоков данного подхода, оформившегося во второй половине XX века, стояли основатели теории концептуальной метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон¹ (1980; 1993). В зарубежном языкознании метафора с точки зрения общего когнитивного подхода рассмотрена в теории концептуальной интеграции М. Тернер и Ж. Фоконье² (1988; 1998; 2002), теории первичных и сложных метафор Дж. Грэди³ (1996), теории концептуальной проекции К. Аренс⁴ (2002), коннективной теории метафорической интерпретации Д. Ричи⁵ (2003).

В отечественном языкознании когнитивному исследованию метафоры посвящены когнитивно-дискурсивная теория А.П. Чудинова⁶ (2001; 2003) и дескрипторная теория метафоры А.Н. Баранова⁷ (2003; 2004; 2006). Метафорические исследования в рамках теории метафорического моделирования представлены в работах Э.В. Будаева (2006), Т.С. Вершининой (2002), Н.М. Чудаковой⁸ (2005) и ряда других ученых.

¹ Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.; Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor* / G. Lakoff // *Metaphor and Thought* / ed. A. Ortony. – Cambridge, 1993. – pp. 202–251.

² Turner M., Fauconnier G. *Conceptual Integration and Formal Expression* // *Metaphor and Symbolic Activity* / M. Turner, G. Fauconnier – 1995. – Vol. 10. – № 3. – pp. 183–203; Fauconnier G., Turner M. *Conceptual integration networks* // *Cognitive Science* / M. Turner, Fauconnier G. – 1998. – Vol. 22. – № 2. – pp. 133–187; Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities* / M. Turner, Fauconnier G. – Basic Books: Perseus, 2002. – 400 p.

³ Grady J., Taub S., Morgan S. *Primitive and compound metaphors* // *Conceptual structure, discourse and language* / ed. A. Goldberg. Stanford / J. Grady, S. Taub, S. Morgan. – Stanford: CSLI, 1996. – pp. 177–187.

⁴ Ahrens K. *When Love is Not Digested: Underlying Reasons for Source to Target Domain Pairings in the Contemporary Theory of Metaphor* / K. Ahrens // *Proceedings of the First Cognitive Linguistics Conference* / ed. Yuchau E. Hsiao. – Cheng-Chi University, 2002. – pp. 273–302.

⁵ Ritchie D. «Argument is War» – Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors / D. Ritchie // *Metaphor and Symbol*. – 2003. – Vol. 18, № 2. – pp. 125–146.

⁶ Чудинов А.П. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография* / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, Уральский гос. пед. ун-т. 2001. – 238 с.; Он же. *Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации* / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 248 с.

⁷ Баранов А.Н. *Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга* / А.Н. Баранов // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования* / Под ред. М.Н. Володиной. – М.: МГУ, 2003. – С. 62–70; Он же. *Когнитивная теория метафоры: почти двадцать лет спустя* // Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем* / А.Н. Баранов. – М.: Наука, 2004. – С. 3–12; Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А., Шипова Е.А. *Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики* / А.Н. Баранов, О.В. Михайлова, Г.А. Сатаров, Е.А. Шипова. – М.: Фонд ИНДЕМ, 2004. – 94 с.; Баранов А.Н., Михайлова О.В., Шипова Е.А. *Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафорики ('взаимоотношения бизнеса и власти', 'коррупция')* / А.Н. Баранов, О.В. Михайлова, Е.А. Шипова. – М.: Фонд ИНДЕМ, 2006. – 84 с.

⁸ Будаев Э.В. *Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20* / Э.В. Будаев. – Екатеринбург, 2006. – 23 с.; Вершинина Т.С. *Метафорические модели с исходной биологической сферой в современном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01* / Т.С. Вершинина. – Екатеринбург, 2002. – 23 с.

Исследования фразеологии с точки зрения ее семантики нашли отражение в трудах Н.Ф. Алефиренко (1993), В.Л. Архангельского (1964), В.М. Мокиенко (1982), В.Н. Телия (1996) и др. К настоящему времени в лингвистике представлен целый ряд работ, рассматривающих изменения в политической лексике и фразеологии русского языка на стыке XX–XXI веков (Л.А. Жданова; Г.А. Заварзина; А.К. Карамова; Е.В. Ганапольская; Ю.В. Ошеева и др.).

В татарском языкознании метафоры и ФЕ изучаются в рамках стилистики как средство выразительности в трудах Г.Х. Ахунзянова (1972), Х.Р. Курбатова (1971), Г.Х. Ахатова (1954; 1979), В.Х. Хакова (1979), Ф.С. Сафиуллиной (1999), А.А. Нугумановой (2009), Р.А. Юсупова⁹ (2009) и др. С точки зрения словообразования метафоры и ФЕ исследованы в работах Ф.А. Ганиева¹⁰ (2002). Комплексное изучение общественно-политической лексики представлено в диссертации Г.У. Алеевой¹¹ (2009). Изучению фразеологии татарского и английского языков в сопоставительном аспекте посвящено исследование Г.А. Багаутдиновой¹² (2007). Особенности употребления метафор в отдельных литературных произведениях рассмотрены в диссертациях Г.Р. Газизовой (2002) и С.С. Арслановой (2004)¹³. Взаимодействие татарского и русского языков и проблема билингвизма изучены в работах Э.Н. Ахунзянова¹⁴ (1965), З.А. Исхаковой¹⁵ (1999; 2002), Ф.К. Сагдеевой¹⁶ (2003) и др.

⁹ Ахунжанов Г.Х. Татар теленен идиомалары / Г.Х. Ахунжанов. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1972. – 118 с.; Курбатов Х.Р. Хәзерге татар әдәби теленен стилистик системасы / Х.Р. Курбатов. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1971. – 192 б.; Ахатов Г.Х. Фразеологические выражения в татарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.Х. Ахатов. – Казань, 1954. – 14 с.; Әхәтов Г.Х. Хәзерге татар теленен лексикологиясе / Г.Х. Әхәтов. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1979. – 132 б.; Хаков В.Х. Стилистика һәм сүз сәнгате. Укучыларга ярдәмлек / В.Х. Хаков. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1979. – 158 б.; Сафиуллина Ф.С. Хәзерге татар әдәби теле. Лексикология / Ф.С. Сафиуллина. – Казан: Хәтер, 1999. – 288 б.; Нугуманова А.А. Метафоры в татарском языке: лексико-грамматический и стилистический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / А.А. Нугуманова. – Казань, 2009. – 27 с.; Юсупов Р.А. Общее и специфическое в разнотипных языках: лексико-фразеологические средства русского и татарского языков / Р.А. Юсупов. – Казань: ТГГПУ, 2009. – 298 с.

¹⁰ Ганиев Ф.А. Образование сложных слов в татарском языке / Ф.А. Ганиев. – Казань: Печатный двор, 2002. – 292 с.

¹¹ Алеева Г.У. Общественно-политическая лексика татарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.У. Алеева: 10.02.02. – Казань, 2009. – 28 с.

¹² Багаутдинова Г.А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Г.А. Багаутдинова. – Казань, 2006. – 34 с.

¹³ Газизова Г.Р. Лексико-семантические и стилистические особенности художественной прозы Ф. Карими: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Г.Р. Газизова. – Казань, 2002. – 202 с.; Арсланова С.С. Лексико-семантические, стилистические особенности и поэтическая ономастика либретто М.Джалиля «Алтынчэч» и «Ильдар»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / С.С. Арсланова. – Казань, 2004. – 194 с.

¹⁴ Ахунзянов Э.Н. Русские кальки в татарском литературном языке / Э.Н. Ахунзянов // Вопросы татарского языкознания: сб. ст. – Казань: Изд-во КГУ, 1965. – С. 38–65.

¹⁵ Исхакова З.А. Татарско-русское городское двуязычие в Татарстане в 1980–90-е годы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02; 10.02.01 / З.А. Исхакова. – Казань, 1999. – 23 с.; Она же. Двуязычие в городах Татарстана (1980–90-е годы). – Казань: Фикер, 2001. – 190 с.

¹⁶ Сагдеева Ф.К. Проблемы культуры татарской речи в условиях активного двуязычия / Ф.К. Сагдеева. – Казань: Фикер, 2003. – 160 с.

Исследованиям фразеологических групп, отобранных на основе семантической близости, посвящены диссертации Р.А. Юсупова (1982), С.Г. Шафиновой (1998). Фразеология в творчестве отдельных писателей рассмотрена в исследованиях С.С. Арслановой (2004), Л.Р. Сафиной¹⁷ (2005) и некоторых других ученых. Семантические особенности функционирования татарских фразеологизмов в сопоставительном аспекте исследуются в работах Р.Ф. Абдуллиной (2008) и А.М. Яхиной¹⁸ (2008).

Цель и задачи диссертации. Целью диссертационного исследования является исследование метафор и ФЕ татарского политического дискурса (на примере информационных интервью), выявление специфики и особенностей их употребления.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие **задачи**:

- изложить теоретические основы когнитивного исследования метафоры и семантической классификации ФЕ в политическом дискурсе;
- выявить и систематизировать метафорические модели (М-модели) в татарских политических информационных интервью;
- осуществить семантическую классификацию ФЕ, выявленных в татарских политических информационных интервью;
- на основе анализа определить наиболее распространенные в татарском политическом дискурсе М-модели и семантические группы фразеологизмов;
- охарактеризовать особенности употребления метафор и ФЕ в татарском политическом дискурсе, связанные с национальной спецификой и менталитетом.

Объектом исследования в настоящей диссертации является татарский политический дискурс 1991–2009 гг. в контексте осмысления реалий постсоветской действительности.

Предметом исследования в работе выступают метафоры и фразеологизмы, специфика их функционирования в татарских политических интервью.

Методы исследования. В процессе проведения диссертационного исследования, исходя из его цели и задач, были использованы методы когнитивно-дискурсивного анализа, описательный, моделирования, контекстуального анализа, семантической идентификации, лексико-семантический, стилистический, статистической обработки материала, дистрибутивный.

Теоретико-методологическая база исследования. Теоретико-методологической базой исследования послужили научно-теоретические труды ученых по теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон), получившие

¹⁷ Сафина Л.Р. Фразеология прозы Ф. Хусни: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Л.Р. Сафина. – Казань, 2005. – 26 с.

¹⁸ Абдуллина Л.Р. Функционирование глагольных фразеологических единиц в газетном тексте: на материале французского и татарского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Л.Р. Абдуллина. – Казань, 2008. – 163 с.; Яхина А.М. Оценочность как компонент значения фразеологических единиц в русском, английском и татарском языках: на материале глагольных ФЕ, обозначающих поведение человека: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А.М. Яхина. – Казань, 2008. – 226 с.

развитие в теории метафорического моделирования на основе когнитивно-дискурсивных исследований (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, Е.С. Кубрякова, Т.Г. Скребцова, Ю.Б. Феденева, А.П. Чудинов и др.). В частности, классификация М-моделей в данной работе основана на дескрипторной теории метафоры, разработанной А.Н. Барановым. Данное исследование также опирается на исследования по фразеологии, представленные в научно-теоретических трудах В.В. Виноградова, В.М. Мокиенко, А.И. Молоткова, В.Н. Телия, Н.М. Шанского, А.М. Чепасовой, Г.Х. Ахунзянова, Х.Р. Курбатова, Ш.З. Рамазанова, Г.Х. Ахатова, В.Х. Хакова, Ф.С. Сафиуллиной, А.Г. Шайхулова и др.

Источниковедческая база диссертации. В качестве материала для исследования были привлечены политические информационные интервью на татарском языке за 1991–2009 гг., опубликованные в печатных и электронных СМИ. В качестве печатных СМИ были выбраны такие общественно-политические издания как журналы «Татарстан», «Казан утлары» («Огни Казани»), газеты «Ватаным Татарстан» («Республика Татарстан»), «Шәһри Казан» («Город Казань»), «Ирек Мәйданы» («Площадь Свободы»), «Татарстан яшьләре» («Молодежь Татарстана»), «Мәдәни Җомга» («Культурная Пятница») и др., в которых представлены интервью с самыми известными татарстанскими политиками – М. Шаймиевым, Ф. Мухамметшиным, В. Лихачевым, Р. Валиевым, Р. Хакимовым и др. Из электронных ресурсов в качестве основного источника был выбран интернет-сайт «Радио Азатлык» («Радио Свобода»), который содержит интервью, посвященные национальным вопросам. Отбор материала осуществлялся на основе лексико-семантического и тематического принципов.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в данной работе впервые в татарском языкознании метафорика и фразеология исследуется в рамках татарского политического дискурса: метафора рассматривается с точки зрения когнитивного похода; ФЕ исследуется с точки зрения ее стилеобразующей функции; проведен целостный и системный анализ метафор и ФЕ, отражающих особенности татарского национального менталитета при построении национально ориентированного политического дискурса.

Теоретическая значимость данного исследования состоит в том, что его результаты вносят вклад в разработку проблем когнитивной лингвистики, лексикологии татарского языкознания, фразеологической семантики и теории текста.

Практическая значимость диссертации связана с возможностями использования ее материалов при разработке лекций и специальных курсов по лексике и фразеологии татарского политического дискурса, культуре речи и риторике, при изучении лексики татарских СМИ, составлении как общеязыковых, так и специальных словарей, посвященных языку политики. Также результаты данного исследования могут быть использованы профессиональными политиками, политологами и журналистами при подготовке политических текстов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Концептуальная метафора в татарском политическом дискурсе является важнейшим средством категоризации и оценки политической действительности, представленной в татарских информационных интервью.

2. Для татарского политического дискурса характерно употребление метафор, отражающих менталитет и национальную специфику, которые играют важную роль при осмыслении политической действительности. В то же время, определенная часть функционирующих в исследуемом политическом дискурсе метафор является заимствованной с русского языка методом семантического калькирования, что подтверждает наличие языковой интерференции в условиях двуязычия, сложившегося в Республике Татарстан.

3. Фразеологизмы являются одним из наиболее продуктивных средств исследования политической картины мира, выполняют функцию передачи отношения автора к действительности, способствуя более глубокой оценке политических процессов.

4. Явления и процессы политической действительности в татарских политических интервью актуализируются в ФЕ литературно-художественного и разговорного стилей, которым, в первую очередь, присуща эмотивная оценочность и мотивационная образность, отличающиеся особой степенью выраженности в языке политических интервью. Значимое место в политическом дискурсе занимают ФЕ, в которых проявляются национальные черты, связанные с образом жизни и менталитетом татар. В языке интервью также наблюдается употребление ФЕ, заимствованных с русского языка путем семантического калькирования, что обусловлено языковой интерференцией в сфере политической коммуникации.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертации были опубликованы в 9 работах, докладывались на итоговых научных конференциях преподавателей и аспирантов факультета татарской филологии и истории Казанского (Приволжского) федерального университета (2007–2009 гг.), на международной научной конференции «Татарская культура в контексте европейской цивилизации» (2010 г.), на региональной научно-практической конференции студентов и аспирантов, посвященной памяти заслуженного профессора Казанского государственного университета В.Х. Хакова (2010 г.), международной конференции «Russia And Islam: institutions, regions and foreign policy» (Россия и Ислам: институты, регионы, зарубежная политика) в Эдинбургском Университете (Великобритания, 2008 г.).

Структура работы. Структура диссертации определяется ее задачами и отражает основные этапы и логику развития исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического раздела, списка словарей и справочников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются источники, объект, предмет, цели и задачи исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, излагаются ее теоретико-методологические основы, даются сведения об апробации.

В первой главе **«Теоретические основы исследования политического дискурса. Политический дискурс как предмет лингвистического изучения»** дается описание различных подходов к определению сущности ключевых понятий «дискурс» и «политический дискурс», выявляются их свойства и основные характеристики. Политический дискурс как предмет политической лингвистики исследуется в хронологическом аспекте, дается характеристика его формирования и развития в отечественном и зарубежном языковедческих науках. Вкратце описывается история изучения политической лексики в татарском языкознании. Когнитивное направление в лингвистике рассматривается в качестве основы для изучения метафорического моделирования в политических интервью. Данная глава включает в себя четыре раздела, в которых подробно изложен теоретический аспект исследуемой проблемы.

В первом разделе (**Сущность понятия «дискурс»**) раскрывается сущность понятия «дискурс» с точки зрения лингвистики и других смежных с ней наук. В рамках формального подхода дискурс рассматривается вне контекста употребления той или иной языковой единицы, является абстрактной системой и может быть определен просто как язык выше уровня предложения или словосочетания¹⁹. Функциональный же подход предполагает изучение дискурса в контексте употребления языка в процессе речевого общения²⁰. Основываясь на приведенных в работе определениях и трактовках, можно сделать вывод, что понятие «дискурс» рассматривается в узком и широком планах. В узком понимании дискурс определяется как эквивалент текста, речи или высказывания. Поэтому сущность дискурса раскрывается через соотношение с этими смежными терминами. Дискурс порождается в речемыслительной деятельности и является ее продуктом²¹. Текст же рассматривается как зафиксированная

¹⁹ Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е.С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность. – М.: ИНИОН, 2000. – С. 7–25.

²⁰ Борботько В.Г. Элементы теории дискурса / В.Г. Борботько. – Грозный: ЧИГУ, 1981. – 113 с.; Дейк ван, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.; Чернявская В.Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости / В.Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамб. гос. ун-т. – Тамбов, 2004. – №1. – С. 106–111; Милевская Т.В. О понятии «дискурс» в русле коммуникативного подхода / Т.В. Милевская // Материалы международной научно-практической конференции «Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах «Коммуникация–2002» («Communication Across Differences»). Ч.1. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. – С. 188–190; Орлов Г.А. Современная английская речь / Г.А. Орлов. – М.: Высшая школа, 1991. – 240 с.; Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. 2-е изд., испр. / Ю.Е. Прохоров. – М.: «Флинта», 2006. – 224 с.

²¹ Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространств текста и дискурса / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время: материалы науч. конф. / Под ред. проф. Е.С. Кубряковой и проф. О.А. Александровой. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – 237 с.

форма дискурса (статика)²². В то же время, определение дискурса через понятие «речь» указывает на его динамический характер. В широком понимании дискурс включает в себя экстралингвистические характеристики – социокультурные, психологические, прагматические, этнокультурные, паралингвистические факторы. В нашей работе дискурс рассматривается как коммуникативная ситуация, которая включает сознание коммуникантов и текст, являющийся продуктом речемыслительной деятельности.

Второй раздел (**Политический дискурс как объект изучения лингвистики**) посвящен изучению политического дискурса и его особенностей в рамках политической лингвистики. В данном разделе приводится периодизация, описываются основные направления в изучении политической коммуникации. Также в рамках данной главы, в соответствии с представлениями когнитивной лингвистики, рассматривается теория концептуального анализа метафоры, определяется методика исследования метафорических моделей в политических интервью.

Лингвистический подход рассматривает политический дискурс как инструмент для управления человеческим сознанием, используемый в манипулятивных целях²³, с одной стороны, и как профессиональный подъязык (система профессионально-ориентированных знаков²⁴), с другой, характеризуя его как вид институционального общения. С точки зрения более узкого подхода, политический дискурс трактуется как совокупность текстов, отображающих политическую и идеологическую практику какого-либо государства, отдельных партий и течений в определенную эпоху²⁵.

Третий раздел (**Исследование политической лексики в татарском языкознании**) содержит краткое описание основных трудов по общественно-политической лексике в татарской языковедческой науке.

Лексикографические исследования данного пласта лексики представлены в трудах Г. Габидова, М. Гали, Ф. Мухиянова, Г. Шафиева, Г. Нугайбека, И.М. Низамова и др.²⁶

Подробно общественно-политическая лексика татарского языка рассмотрена в диссертации Г.У. Алеевой (2009), в которой выявлены и системати-

²² Сусов И.П. Введение в языкознание: учебник для студентов лингвистических и филологических специальностей / И.П. Сусов. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 379 с.

²³ См.: Чудинов А.П., 2001.

²⁴ Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 386 с.

²⁵ Миронова Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики / Н.Н. Миронова. – М.: Тезаурус, 1997. – С. 40.

²⁶ Габидов Г. Русча-татарча сәясәт сүзләре / Г. Габидов. – Оренбург: Өлфәт китапханәсе, 1918. – 48 с. (на араб. графике); Гали М. Газета укучылар өчен кесә сүзлегә. Политик терминнарда татарча аңлатмалы сүзлек / М. Гали. – Казань: Татиздат, 1928. – 203 с. (на араб. графике); Политик-экономик терминнар / русча-татарча, татарча-русча / Төз.: Ф. Мөхиянов, Г. Шәфиев, Г. Нугайбәк. – Казань: Татгосиздат, 1941. – 134 с.; Низамов И.М. Краткий русско-татарский общественно-политический словарь / И.М. Низамов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. – 189 с.

зированы ее генетические пласты, проанализирована структура и словообразовательные характеристики общественно-политических названий.

В остальных трудах татарская общественно-политическая лексика рассматривается в контексте изучения лексического состава татарского языка. Из трудов по данной области лексикологических исследований следует отметить работы Э.М. Ахунзянова, В.Х. Хакова, Г.С. Сабировой²⁷. Общественно-политическая лексика в составе терминологии татарского языка рассмотрена в работах Ф.С. Фасеева, И.А. Абдуллина, Н.Н. Фаттаховой, Р.Х. Мухияровой²⁸. Особенности употребления общественно-политической лексики в периодической печати, ее этимология, стилистические особенности, особенности перевода с русского на татарский язык исследуются в трудах И.М. Низамова²⁹.

Структурным и лексико-грамматическим особенностям языка татарской периодической печати посвящены работы В.З. Гарифуллина (1990; 1998), С.М. Ибрагимова (1971), И.М. Низамова (1981), Л.В. Ахметшиной³⁰ (2009) и ряда других авторов.

В четвертом разделе (**Когнитивное направление в лингвистике как основа для изучения метафорического моделирования в татарских политических интервью**) представлена методология исследования метафорики в татарских политических интервью.

В данной диссертационной работе для анализа метафорики татарского политического дискурса используется когнитивный подход, в рамках которого

²⁷ Ахунзянов Э.М. Русские заимствования в татарском языке / Э.М. Ахунзянов. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1968. – 367 с.; Хаков В.Х. Язык и стиль татарской публицистики в годы первой русской революции: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Х. Хаков. – Казань, 1961. – 19 с.; Сабирова Г.С. Новые слова и новые значения в современном татарском языке (на материале периодической печати и словарей 1990-х гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.С. Сабирова. – Казань, 1999. – 26 с.

²⁸ Фасеев Ф.С. Татар телендә терминология нигезләре / Ф.С. Фасеев. – Казань: Татар. кит. нәшр., 1969. – 200 с.; Абдуллин И.А. Роль дореволюционной большевистской печати в создании общественно-политической терминологии татарского литературного языка / И.А. Абдуллин // Конференция по татарскому языкознанию, посвященная 50-летию СССР (Тезисы докладов). – Казань: Тат. кн. изд-во, 1972. – С. 15–17; Фаттахова Н.Н. Развитие общественно-политической терминологии татарского языка / Н.Н. Фаттахова. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1985. – 101 с.; Мөхиярова Р.Х. XX гасырның 80–90 елларында татар әдәби лексикасы / Р.Х. Мөхиярова. – Яр Чаллы: 2000. – 192 с.

²⁹ Низамов И.М. Матбугатның тәэсирле сүзе / И.М. Низамов. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1981. – 144 с.; Он же. Яңалык һәм сүз (ижтимагый-политик терминнар ясау һәм камилләштерү принциплары ничек үтәлә?). – Казан: Тат. кит. нәшр., 1990. – 28 с.

³⁰ Гарифуллин В.З. Композиционно-речевая и модально-темпоральная структура текста информационных жанров: (на материале газ. «Социалистик Татарстан»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / В.З. Гарифуллин. – Казань, 1990. – 17 с.; Гарифуллин В.З. Лингвистическая система газетного текста: автореф. ... дис. докт. филол. наук / В.З. Гарифуллин. – Казань, 1998. – 50 с.; Ибрагимов С.М. Газета теле / С.М. Ибрагимов. – Казан: КГУ, 1971. – 52 с.; Низамов И.М. Язык современной периодической печати (на материале газетной лексики): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.М. Низамов. – Уфа, 1981. – 19 с.; Ахметшина Л.В. Английская заимствованная лексика в современных татарских СМИ: (исследование на материале татарской периодической печати конца XX – начала XXI вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Л.В. Ахметшина. – Казань, 2009. – 19 с.

метафора рассматривается как ментальная операция, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира политики. Целью когнитивного анализа политического дискурса является исследование проявлений в структурах языка знаний человека о мире политики. При этом реконструирование представлений политика о политической действительности позволяет судить и о политической ситуации, поскольку «внутренние модели мира есть часть объективной политической картины»³¹.

Согласно теории концептуальной метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсона, метафорическое мышление заложено в человеческом разуме в виде своего рода схем, при помощи которых человек познает действительность. В основе концептуальной метафоры лежит понимание и переживание сущности одного рода через сущность другого рода. Под метафоризацией же понимается процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain). В результате однонаправленной метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-мишень элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры³².

Исследование метафор в татарских политических интервью основывается на дескрипторной теории метафоры, которая была разработана А.Н. Барановым (2003; 2004; 2006) на материале политического дискурса эпохи перестройки. Метафора в рамках данного подхода трактуется как явление, состоящее в употреблении слова, обозначающего один класс предметов и явлений, для характеристики и наименования объектов другого класса. Таким образом, метафоризация подразумевает отображение элементов области источника в элементы области цели³³.

Совокупность семантически однородных понятий, относящихся к одной и той же области человеческого знания, образует метафорическую модель (М-модель). Следовательно, М-модель является типом области источника, которая описывается сигнификативными дескрипторами – элементами семантического метаязыка, обозначающими явления соответствующей тематической области (например, сигнификативные дескрипторы, выраженные понятиями, обозначающими животных, формируют М-модель «Анимализация»).

Важно отметить, что трактовка метафоры, принятая в дескрипторной теории метафоры, отражает языковой аспект ее функционирования. «Метафорической моделью в этом случае оказываются однородные области источника – однородные с точки зрения опыта человека и, отчасти, семантики. В этом

³¹ Гаврилова М.В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа / М.В. Гаврилова // Полис: Политические исследования. – № 3. – 2004. – С. 129.

³² Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры / Э.В. Будаев // Лингвокультuroлогия. – Вып. 1. – Екатеринбург: УрГПУ, 2007. – С. 16–32.

³³ См.: Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А., Шипова Е.А., 2004. – С. 40.

смысле М-модель в дескрипторной теории метафоры – это «языковая метафорическая модель»³⁴.

Вторая глава «**Метафорическое моделирование действительности в татарских политических интервью. Типы метафорических моделей в татарских политических интервью**» посвящена классификации и анализу метафорических моделей, употребляемых в татарских политических интервью.

На основе дескрипторной теории А.Н. Баранова в татарских политических интервью было выявлено 14 М-моделей (всего 285 метафор), посредством которых происходит осмысление постсоветской действительности в рамках татарского политического дискурса: «Персонификация», «Пространство», «Противоборство», «Физический процесс, состояние», «Путь-дорога», «Анимализация», «Орган человека», «Неживая природа», «Болезнь», «Механизм, инструмент», «Семья, родственные отношения», «Строительство», «Сверхъестественное существо», «Транспорт». Наибольшую частотность имеют метафоры таких М-моделей как «Путь-дорога», «Пространство», «Противоборство», «Физический процесс, состояние» и «Персонификация» (60% от общего числа метафор).

Анализ М-модели «Персонификация» в данном исследовании направлен на выявление особенностей ее употребления как фигурной М-модели. Особенность такого употребления состоит в том, что политическим субъектам приписываются человеческие качества в виде когнитивных способностей (мышление, принятие решений, поиск компромисса, умение вести диалог и т.д.) и физических качеств (способность видеть, слышать, двигаться и т.д.). Данная особенность обуславливает употребление метонимии в рамках данной М-модели.

В употреблении данной М-модели проявляются особенности взаимоотношений Татарстана с Федеральным Центром, при этом персонификация Федерального Центра наблюдается чаще. Данная модель также отражает осмысление национальных вопросов на основе религиозных традиций республики. К примеру, проблема финансирования национальной культуры выражается путем сравнения данной сферы с образом постящегося мусульманина. В то же время, выделение средств на развитие национальной культуры уподобляется даже милостыни:

«Бюджетны ураза вакытында, изге айда карыйбыз. Ураза ул – изге дини гамэл, эмма дөнъяви мәсьәләләрдә дә ураза бар, безнең *милли мәдәниятебез* инде ничәмә ничә еллар *ураза тотал*! Без аңа *авыз ачарлык та акча бүлөп бирмибез*. Ураза беткәннән соң, гадәттә, Гает бәйрәме була, ә анда садака өләшәләр. Менә сез дә бюджет кабул иткәндә *милли мәдәнияткә садакадан күбрәк өлеш чыгарсагыз иде*»³⁵ («Бюджет мы рассматриваем во время священного месяца, во время уразы. Ураза – это священный религиозный обряд, однако и в мирских вопросах есть уразы: сколько лет уже *наша национальная*

³⁴ См.: Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А., Шипова Е.А., 2004. – С. 8.

³⁵ Валиев Р. Вәгъдә – иман (Обещание – вера) // Шәһри Казан. – 2009. – 6 фев. – С. 8.

культура держит уразу! Мы не выделяем ей деньги даже на разговение! А после окончания уразы, как известно, бывает праздник Гает, на котором принято раздавать милостыню. Было бы хорошо, если бы и вы во время принятия бюджета не поскупились на милостыню для национальной культуры»).

85% метафор данной модели образованы на основе собственно татарских языковых норм. Доля метафор, заимствованных путем семантической кальки, составляет 15%:

«Мин шунысын әйтергә тиешмен: Россия элеккеге автономияле республикалар белән суд телендә дә, гадәттән тыш хәл урнаштыру юлы белән дә сөйләшергә тиеш түгел»³⁶ («Должен сказать следующее: Россия не должна разговаривать с бывшими автономными республиками ни на языке суда, ни посредством установления чрезвычайного положения»).

Метафоры пространства характерны для понимания проблемы федерализма. В частности, метафоры *ас* (низ) и *өс, югары* (верх) отражают политические процессы, связанные с распределением властных полномочий на уровне «Федеральный Центр – регионы». Иерархия российской политической власти (соотношение «Федеральный Центр – регионы») осмысливается политиками посредством «геометрических» метафор *вертикаль, горизонталь, симметрия*.

В рамках данной модели метафоры, основанные на собственно татарских языковых средствах, наблюдаются в употреблении концепта «движение»:

«Минтимер Шәрипович, Татарстанның Россиядәге башка регионнардан *берничә адым алдан атлавын* бүген берәү дә шик астына ала алмыйдыр»³⁷ («Минтимер Шарипович, сегодня наверно никто не может усомниться в том, что Татарстан *идет на несколько шагов впереди* других регионов России»).

Большая часть пространственных метафор является семантическими кальками:

«Административ-территориаль субъектны мөстәкыйль дәүләт белән бутарга ярамый: республикаларның хокуклары үзләрендә, һәм алар милекне-вазифаны үз теләкләре белән бүлешәләр – федераль хөкүмәткә үзләре тәкъдим итәләр, димәк бүлешү *астан өскә* күчә; ә менә территория генә биләүче өлкәләргә килгәндә, һәммә нәрсә *югарыда* хәл ителә, ягъни эш бүлешү дә *өстән аска* күчә»³⁸ («Не нужно путать административно-территориальный субъект с независимым государством: права республик принадлежат им самим, и они распределяют имущество и полномочия по собственному желанию, т.е. сами предлагают это федеральному правительству – таким образом, разделение происходит *снизу вверх*; что касается областей, которые владеют лишь территорией, все решается *наверху*, т.е. разделение обязанностей тоже происходит *сверху вниз*»).

³⁶ Шаймиев М. Зур сынау үтелде (Было пройдено большое испытание) // Ватаным Татарстан. – 2008. – 5 июля. – С. 5.

³⁷ Гилемханов Р. Киләчәкне бүген кайгыртабыз (О будущем думаем сегодня) // Ватаным Татарстан. – 2007. – 24 авг. – С. 7.

³⁸ Шаймиев М. Үсеш юлыннан (По пути развития) // Татарстан. – 1993. – № 10. – С. 6.

В М-модели «Противоборство» проявляются характерные для взаимоотношений Татарстана и Федерального Центра разногласия, связанные с национальными вопросами. При осмыслении действительности через метафоры данной модели Татарстан является пострадавшей стороной. Поэтому в данном случае преобладание метафор противоборства в татарском политическом дискурсе указывает не на наличие жестокости и агрессии в национальном политическом дискурсе, а скорее на «защитную реакцию». Так, меры, направленные на ущемление национальных прав, воспринимаются татарстанскими политиками очень «болезненно» (метафоры *яңакка сугу* (дать пощечину), *чеметен-чеметен алу* (пощипать)).

«Әле генә Русия дәүләт думасы тарафыннан федераль автономияләр турындагы канунга керткән үзгәрешләр өлгесе (проект) *икенче яңагыбызга тондыру* булды»³⁹ («Проект изменений, только что внесенный Государственной Думой в федеральный закон об автономиях, стал для нас *второй пощечиной*»).

Посредством метафор противоборства также характеризуются и экономические явления, представляющие опасность для экономики Татарстана. В частности, к ним относятся такие явления как финансовый кризис (*ябырылырга* (наброситься)), дефицит бюджета (*китереп сугарга* (ударить с размаху)) и высокие налоги (*буарга* (душить)).

«Бүген күп кенә промышленность предприятиеләре житәкчеләре, салымнар бугаздан буа, дип санылар»⁴⁰ («Сегодня руководители многих промышленных предприятий считают, что налоги *душат* их»).

Большинство метафор противоборства (67%) основано на собственно татарских языковых нормах.

М-модель «Физический процесс, состояние», проявляющаяся в татарских политических интервью 90-ых годов, чаще всего характеризует ряд национальных и политических проблем, приобретая как положительный (*горурлык хисләрен уяту* (пробудить чувства гордости), *мәдәният казанышарына, туган телгә сусау* (изголодаться по культурным достижениям, родному языку), *диаспора уяну* (просыпание диаспоры)), так и отрицательный (*эфьюн белән исерү* (быть опьяненным опиумом), *халыкның эреп баруы* (таяние народа), *халыкны йоклату* (усыпление народа)) смыслы.

«Соңгы елларда, берьяктан, империячел көчләрнең *тернәкләнеп китүе* күзәтелә. Икенче яктан, татар милли-ижтимагый хәрәкәте ниндидер *йокым-сырау хәленә килде*»⁴¹ («В последние годы, с одной стороны, наблюдается *реабилитация* имперских сил. С другой стороны, татарское национально-общественное движение *находится в каком-то состоянии дремоты*»).

³⁹ Закиров Р. Мәскәү безне яңаклый (Москва дает нам пощечину). – URL: <http://www.azatliq.org/content/article/1359093.html>.

⁴⁰ Гайсин Л. Сыналабыз, ләкин сынмыбыз (Проходим через испытания, но не ломаемся) // Татарстан. – 1999. – № 7. – С. 33.

⁴¹ Хакимов Р. Без үз юлыбызны сайладык (Мы выбрали свой путь) // Татарстан. – 1997. – № 8. – С. 16.

Большая часть метафор данной модели (79%) образована на основе собственно татарских языковых средств. Семантические кальки представлены небольшим количеством метафор:

«Шуңа күрә гамәлгә ашмастай буш вәгъдәләр партияне «ашый» башиларга мөмкин»⁴² («Поэтому нереализуемые пустые обещания могут *начать «поедать»* партию»).

Посредством метафор модели «Путь-дорога», которые характерны преимущественно для 90-х годов прошлого века, осмысливается демократическое развитие республики, а также указывается на наличие у Татарстана особенного политико-экономического курса. Частотность метафор данной модели в политическом дискурсе 90-х годов (особенно в первой их половине) отражает преобладание в общественном сознании идей поиска правильного пути, дальнейшего развития республики (*реформалау юлында* (на пути реформ), *мөстәкыйльлек яулау юлында* (на пути обретения независимости), *демократиягә юл тоту* (держат путь на демократию), *иманга кайту юлында* (на пути к возвращению к вере):

«Ә хәзер барыбыз да сизәбез: рухи кыйммәтләр алгы планга чыга башлады. Моңы кешеләрнең дингә омтылышы көчәю дә ачык күрсәтә. Шөкер, без *иманыбызга кайту юлында*»⁴³ («А сейчас мы все чувствуем, что духовные ценности начали выходить на первый план. Об этом наглядно свидетельствует и тот факт, что усилилось стремление людей к религии. Слава Богу, *мы на пути к возвращению к нашей вере*»).

Отметим, что, несмотря на высокую частотность употребления данной М-модели, лишь 6% ее метафор основаны на собственно татарских языковых средствах. Оставшуюся часть образуют семантические кальки, заимствованные с русского языка:

«Чорыбыз катлаулы булса да, *демократиягә юл тотуыбыз* ошый миңа. Әлегә процесс никадәр каршылыклы булмасын, без демократиягә таба барабыз»⁴⁴ («Мне нравится то, что, несмотря на трудные времена, *мы держим курс на демократию*. Каким бы противоречивым не был этот процесс, мы движемся в сторону демократии»).

В метафорических образах животных, объединяемых М-моделью «Анимализация», понимаются политические субъекты (Татарстан – *куян* (заяц), *төлке* (лиса), Россия – *арыслан* (лев)), а также некоторые социально-экономические явления. Для выражения последних политики прибегают к специфическим метафорам. Например, решение проблемы ветхого жилья выражается посредством характерной для татарского языка метафоры «*үгез авызлыкландыру*» («обуздать быка»).

⁴² Шаймиев М. Нервылары йомшаклар хакимияткә килми (Те, у кого слабые нервы, в правительство не идут) // Ватаным Татарстан. – 2007. – 6 апр. – С. 2.

⁴³ Шаймиев М. Рухи галәмдә (В духовном мире) // Казан утлары. – 2006. – № 3. – С. 31.

⁴⁴ Шаймиев М. Татарстан дөньяга таныла (Татарстан прославляется на весь мир) (на тат. яз.) // Татарстан. – 1998. – № 4. – С. 8.

«Ниһаять, котны алып торган үгез авызлыкланды. Мин моны тузган торакны күздә тотып әйтәм»⁴⁵ («Наконец-то устрашающий бык был обуздан. Я имею в виду ветхое жилье»).

В рамках данной модели также наблюдается употребление оригинальных метафор, образованных в результате авторского осмысления фразеологизмов. Так, «осветление» черной кошки, пробежавшей между народами, подразумевает шаг на пути к перемирию:

«Илләребез, халыкларыбыз арасына кәргән әлегә *кара мәчене* бу берәз гына *сорылатырга, аның төсен уңдырыга ярдәм итәр*»⁴⁶ («Это придаст черной кошке, пробежавшей между нашими народами, *серый оттенок и будет способствовать ее осветлению*»).

Для данной модели характерно употребление метафор, образованных на основе татарских языковых средств (62%). Оставшуюся часть составляют метафоры, заимствованные путем семантической кальки:

«Аңлашыла ки, Татарстан төрле төбәкләрдә гомер кичерүче татарларның ихтыяжларын тулысынча канәгатьләндерә алучы *савым сыеры түгел*»⁴⁷ («Понятно, что Татарстан не *дойная корова*, которая может полностью обеспечить потребности татар, проживающих в разных регионах»).

М-модель «Орган человека» употребляется для описания неповторимого облика, имиджа России и Татарстана (*йөз* (лицо, облик)), конкретных общественно-политических сфер (*мөселман өммәтенең йөзе* (лицо мусульманской уммы), *мәдәният этник йөзсез була алмый* (культура не может быть без этнического облика)), а также характеризует особенности экономических объектов (*банклар – икътисадның кан тамырлары алар* (банки – кровеносные сосуды экономики)), описывает явления, указывая на их недостатки (*бер генә аякта басып торучы* (стоящий на одной ноге), *тәпиләрендә дә басып тора алмаслык хәлдә* (не в состоянии стоять на ногах)).

34% метафор М-модели составляют метафоры, образованные на основе татарских языковых средств:

«Һәркайда авыл хужалыгының *арка сөяге* – эре күмәк хужалыklar»⁴⁸ («Повсюду колхозы – *спинной хребет сельского хозяйства*»).

Большая часть метафор данной модели является семантической калькой:

«Әле тагын берничә алшартны исәпкә алырга кирәк: Россиядәге *мөселман өммәтенең йөзе үзгәрде*»⁴⁹ («Нужно также учесть еще несколько предпосылок: *изменился облик мусульманской уммы в России*»).

⁴⁵ Абдуллин Т. Өе барның – көе бар (Мой дом – моя крепость) // Татарстан. – 1999. – № 2. – С. 15.

⁴⁶ Валиев Р. Патшалардан чыккан ялкыннарны (Пламя, извергаемое царями) // Ватаным Татарстан. – 2008. – 3 сент. – С. 4.

⁴⁷ Закиров Р. Халык язмышы белән уйнамыйлар (Не надо играть судьбой народа) // Татарстан. – 2003. – № 3. – С. 34.

⁴⁸ Табеев Ф. Авыл – тормыш нигезе (Деревня – основа жизни) // Татарстан. – 2000. – № 4. – С. 45.

⁴⁹ Валиуллин Р. Дошман ясым дисәң (Если хочешь нажать врага) // Ватаным Татарстан. – 2008. – 24 сент. – С. 4.

Метафоры, образующие модель «Неживая природа», способствуют осмыслению социально-политических явлений. Большая часть метафор данной модели указывает на динамичный характер описываемых процессов (*акча түләмәүнең өченче дулкыны* (третья волна невыплат зарплаты), *сәясәи тетрәүләрнең дулкыннары* (волны политических потрясений), *жәңил исә башлау* (начать дуть (о ветре) и т.д.).

Около половины всех метафор (42%) данной модели образовано на основе собственно татарских языковых средств:

«Ә жәңил инде исә башлады: кайбер администрация башлыклары, кайсы якка авышырга, кемне якларга, дип дусларча киңәш бирүне сорый башладылар»⁵⁰ («А ветер уже начал дуть: некоторые главы администрации стали обращаться за дружеским советом по поводу того, к кому примкнуть и кого поддержать»).

Метафоры, являющиеся семантическими кальками, также представлены в рамках функционирования данной модели:

«Сәясәи тетрәүләрнең дулкыннары Татарстанга да килеп життеме?»⁵¹ («Дошли ли и до Татарстана волны политических потрясений?»).

В метафорах болезни изображается тяжелое состояние российской экономики в 90-е годы прошлого века (в частности, такие ее отрасли как сельское хозяйство (*параличка китерү* (привести к параличу); *бизгәк тоту* (лихорадить)), налоговая сфера (*салым чиренең берәз чигенүе* (незначительное отступление налоговой болезни)) и поиски путей ее оздоровления (*икътисадны савыктыру* (оздоровление экономики))).

Для данной М-модели также характерно употребление метафор, образованных на основе татарских языковых норм (50%):

«Чыннан да, барлык төбәкләрдә халык хужалыгының барлык тармакларын *бизгәк тотканда*, безнең республикада авыл *чиргә бирелмәде*»⁵² («Действительно, когда во всех регионах все отрасли народного хозяйства *лихорадило*, в нашей республике деревня *не поддавалась болезни*»).

При этом нередко метафоры болезни являются семантическими кальками:

«Әгәр дә ул *икътисадны савыктыруга* юнәлдерелгән булса, бурыч алудан куркырга ярамый»⁵³ («Не нужно бояться брать в долг, если это направлено на *оздоровление экономики*»).

Метафоры механизма и инструмента способствуют осмыслению роли человека в обществе (человек – машина), особенностей функционирования государственных структур (*хөкүмәт – тере механизм* (правительство – живой механизм); *суд машинасы эшкә жигелгән* (задействована судебная машина);

⁵⁰ Лихачев В. Декларация һәм Шартнамә – бер үк юл күрсәткечләре (Декларация и Договор – показатели одного и того же пути) // Татарстан. – 1994. – № 7. – С. 9.

⁵¹ Морозова Т. Аерым позиция өстенлек түгел, ә жаваплылык ул (Собственная позиция – это не преимущество, а ответственность) // Татарстан. – 1994. – № 3. – С. 7.

⁵² Сибгатуллин Ф. Жир кешесе бәйрәм итәрме? (Наступит ли праздник для человека земли?) // Татарстан. – 1993. – № 5. – С. 3.

⁵³ Мухамметшин Ф. Халык өчен эшлибез, халык өчен яшибез (Работаем для народа, живем ради народа) // Татарстан. – 1998. – № 5. – С. 10.

экономик рычаглар (экономические рычаги)) и современных общественно-политических процессов (*глобализация тегермәне* (мельница глобализации)).

Данная модель выделяется среди остальных значительным количеством заимствованных слов. 44% метафор являются семантическими кальками:

«Безнең милли күтәрелештән федераль хакимият шүрли икән, димәк, яхшы эшләгәнбез булып чыга. Икенче яктан объектив процесс бара – миллиәтләргә *глобальләшү тегермәне* тарта»⁵⁴ («Если федеральные власти боятся нашего национального подъема, значит, мы хорошо работаем. С другой стороны, наблюдается объективный процесс – нации проходят через *мельницу глобализации*»).

В метафорах семьи и родственных отношений раскрываются взаимоотношения России и регионов. Многонациональная Россия понимается как большая семья (*халыклар гаиләсе* (семья народов)), в которой проживают представители разных национальностей, в то время как Татарстан выступает в качестве ее ребенка (*бала*).

В данной модели было выявлено 44% метафор, образованных на основе собственно татарских языковых средств.

«Әгәр дә чит илләрнең *калын кесәле агайлары* кайбер нефть мәйданнарын бергәләп үзләштерергә акчаларын кызганмыйлар икән, рәхим генә итсеннәр»⁵⁵ («Если заграничные *дядюшки-толстосумы* готовы вложить свои деньги на совместное освоение некоторых нефтяных месторождений, мы с удовольствием рассмотрим их предложения»).

56% метафор данной модели составляют семантические кальки:

«Россия Татарстанны үзенәң *баласы* дип саный икән, үзенәң бер өләше дип саный икән, ничек инде ул аңа ышанмаса тиеш?!»⁵⁶ («Если Россия считает Татарстан своим *детисцем*, своей частичкой, как она может ему не верить?!»).

Осмысление Татарстана в качестве исторической родины всех татар представлено метафорой *йорт* (дом) в М-модели «Строительство». Особенность данной метафоры состоит в том, что в татарских политических интервью она функционирует с целым рядом синонимичных эпитетов: уртақ (общий), төп (основной), туган (родной), күп миллиәтле (многонациональный), күмәк (коллективный). Данная метафора образована на основе собственно татарских языковых средств:

«Алар һәммәсе Татарстанга рухи Ватан итеп карыйлар, *Туган Йорт* белән элементә урнаштырырга һәм аны ныгытырга омтылалар»⁵⁷ («Они все воспринимают Татарстан как духовную Родину, стремясь установить и укрепить отношения с *Родным Домом*»).

⁵⁴ Вали Р. МММ синдромы?... (Синдром МММ?...) // Ирек Мәйданы. – 2008. – 12 мая. – С. 11.

⁵⁵ Галиев Р. Бер рәхмәт мең бәладән коткарыр (Одно спасибо спасает от тысячи бед) // Татарстан. – 1999. – № 1. – С. 23.

⁵⁶ Валиев Р. Бер татарны бишкә бүлмик без... (Не будем делить на пять один татарский народ...) // Татарстан. – 2002. – № 2. – С. 15.

⁵⁷ Тагиров И. Без бәхетле, бердәм миллиәт булырга тиеш (Мы должны быть единой, счастливой нацией) // Татарстан. – 1993. – № 7. – С. 3.

В метафорах сверхъестественного существа в контексте татарских интервью довольно ярко выражены особенности национального менталитета, связанные с религиозной сферой, в частности, с исламом. Например, для осмысления войны и терроризма политики прибегают к таким метафорам как *шайтан* (дьявол) и *жәен* (джин) соответственно. Данные образы в рамках исламской догматики имеют отрицательную характеристику, являясь подстрекателями к бедам и несчастьям. При этом некоторые отрицательные метафорические образы в контексте политического дискурса приобретают положительный смысл (напр. *монстр* – для описания мощи предприятия).

«Хәзер без шуңа шаһит: шешәдән «*коточкич жәен*» – халыкара терроризм атылып чыкты»⁵⁸ («Сейчас мы являемся свидетелями того, что из бутылки выскочил «*чудовищный джин*» под названием международный терроризм»).

Данная М-модель включает в себя преимущественно те метафоры, которые образованы на основе собственно татарских языковых норм (57%). Оставшаяся часть метафор представляет собой заимствованную лексику и семантические кальки:

«Әнә шул рәвешле халык илдәге кризисны да онытып, «*убыр*»лар эзләде»⁵⁹ («Вот таким образом народ, забыв о кризисе в стране, охотился на «*ведьм*»»).

Метафоры транспорта раскрывают особенности политических процессов с точки зрения их развития, динамики (телега (*арба*) символизирует стремление Татарстана к суверенитету, *иномарка* – демократическое развитие Татарстана). Метафоры данной модели являются самыми малочисленными. 25% метафор образованы на основе собственно татарских языковых средств:

«Шулай ул экрен-экрен генә сузылды да, «*Парламент*» *арбасыннан* төшөп калды»⁶⁰ («Таким образом, он потихоньку откладывался и выпал из *парламентской телеги*»).

Половину употребляемых в данной модели метафор составляют семантические кальки:

«Байтак регионнар үзләре дә мөстәкыйльлекнең билгеле бер дәрәжәсенә ирешергә омтыла. Менә ни өчен Россия структураларының, яңарып килгән тенденцияләрне алдан тоеп, аларга игътибар итеп, регионнар таләбенә кире җавап бирмәве бик зарур. Монда инде, янәсе, *иске «арба»* да ярый, Татарстангына яңасына күчеп утырсын, дигән уйдорма файда бирмәячәк. Мөстәкыйльлекне яулауда без, чыннан да, башкалардан бик күп алга киттек. Ләкин шунысы хак: бу «*яңа арбалар*» башка регион кулында да булырга тиеш бит!»⁶¹.

«Многие регионы и сами стремятся получить определенную степень независимости. Вот почему для российских структур очень важно предвидеть

⁵⁸ Шигапов Ф. Яңача яшәү үрнәге (Образец нового образа жизни) // Татарстан. – 2004. – № 7. – С. 1.

⁵⁹ Файзрахманов И. ГКЧПга 18 ел. Ул ни? (18 лет ГКЧП. Что это?) // Безнең гәжит. – 2009. – 19 авг. – С. 3.

⁶⁰ Валиев Р. Вәгъдә – иман (Обещание – вера) // Шәһри Казан. – 2009. – 6 фев. – С. 8.

⁶¹ Лихачев В. Декларация һәм Шартнамә – бер үк юл күрсәткечләре (Декларация и Договор – показатели одного и того же пути) // Татарстан. – 1994. – № 7. – С. 11.

обновляющиеся тенденции, обратить на них внимание и не реагировать на требования регионов. Здесь уже от суждения типа «сойдет и *старая телега*, пусть только Татарстан пересядет на новую» никакой пользы не будет. Действительно, на пути к независимости мы намного опередили других. Но не вызывает сомнения то, что эти «*новые телеги*» должны быть и в руках других регионов!».

Как показал анализ, значимая часть метафор, употребляемых в татарском политическом дискурсе, образована на основе собственно татарских языковых средств. Наиболее ярко данные метафоры представлены в таких моделях как «Персонификация», «Физический процесс, состояние», «Анимализация», «Противоборство» и «Сверхъестественное существо».

Для татарского политического дискурса характерно употребление метафор, в которых отражается менталитет и национальная специфика татар. Подобные метафоры были выявлены в М-моделях «Персонификация», «Анимализация» и «Сверхъестественное существо». В то же время, стоит отметить и тот факт, что татарский политический дискурс подвержен влиянию интерференции, о чем свидетельствует наличие метафор, заимствованных с русского языка методом семантического калькирования.

В третьей главе «**Фразеология татарского политического дискурса. Семантическая классификация ФЕ**» представлено исследование фразеологии татарских политических интервью, которое включает в себя описание, классификацию и выявление особенностей функционирования фразеологических единиц. Данная глава состоит из двух разделов.

В первом разделе (**Особенности семантического исследования фразеологии**) дается описание наиболее важных трудов по семантике фразеологии в русском и татарском языкознаниях, характеризуются особенности и параметры фразеологических единиц, исследуемых в данной работе.

В данной диссертационной работе под ФЕ подразумеваются семантически связанные сочетания слов, воспроизводимые в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-семантического состава⁶². Таким образом, ФЕ понимается нами в узком смысле, поэтому идиоматические обороты, пословицы, поговорки, афоризмы, меткие, часто повторяемые устойчивые в смысле порядка слов выражения и обороты не входят в рамки данного исследования.

В рамках политического дискурса важно различать употребление двух различных по стилистическим свойствам групп ФЕ: 1. собственно политические ФЕ, обозначающие политические явления; 2. ФЕ, напрямую не связанные с политикой, а употребляемые лишь для ее характеристики. Поскольку в текстах проанализированных интервью политические фразеологизмы практически не встречаются, нами были рассмотрены семантические проблемы

⁶² Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.П. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 559.

функционирования собственно фразеологических единиц, которые в контексте татарских интервью приобретают политический смысл.

Исходя из специфики изучаемого материала и учитывая особенности значения ФЕ, в данной работе мы привели собственную классификацию, подразделив ФЕ татарских политических интервью на определенные семантические группы, которые соответствуют «тематическим полям». В рамках выполненного анализа ФЕ были рассмотрены с точки зрения их функционального стиля, генетических особенностей, а также контекстуального употребления.

Второй раздел (**Типы семантических групп фразеологизмов в татарских политических интервью**) посвящен классификации и анализу ФЕ, выявленных в татарских политических интервью.

Весь фразеологический материал (всего 233 ФЕ) был подразделен на пять семантических групп, соответствующих следующим тематическим «полям»: 1) ФЕ, выражающие взаимоотношения / межличностные отношения; 2) ФЕ, выражающие состояние человека / явления; 3) ФЕ, выражающие качества человека; 4) ФЕ, выражающие особенности поведения человека и свойства явлений; 5) ФЕ, относящиеся к области образования. В количественном отношении наблюдается примерное равенство в употреблении первых четырех групп ФЕ. Последняя группа употребляется редко.

ФЕ, выражающие взаимоотношения / межличностные отношения служат, во-первых, для описания, отношений Татарстана с Федеральным Центром в политико-экономической и национально-культурной областях. В этом отношении стоит отметить довольно частое употребление соматических ФЕ, таких как *ярдәм кулы сузу* (протянуть руку помощи), *кулга кул тотышып* (рука об руку), *уртак тел табу* (найти общий язык), *күз йому* (закрывать глаза) и т.д.

«Безнең мәсләгебез, ихтимал, кайсыбер республикаларныкыннан шактый ук аерыладыр, әмма без алар белән *уртак тел табабыз*»⁶³. («Может быть, наше поведение значительно отличается от поведения некоторых республик, но нам удастся *находить с ними общий язык*»).

Во-вторых, политики обращаются к целому ряду ФЕ как с положительным, так и с отрицательным смысловыми оттенками: *бер түбә астында яшәү* (жить под одной крышей), *тарихи җепләр бәйләп тора* (связывают нити истории), *иңгә-иң торып янәшә (яшәү)* ((жить) плечом к плечу), *пычакка-пычак килү* (быть на ножах), *кара мәче керү (үтү)* ((между ними) пробежала черная кошка) и т.д. при осмыслении взаимоотношений отдельных регионов и национальностей.

«Без башкортлар белән иң якын кардәш халык буларак, дус яшәрбез. Безнең арага беркайчан да *кара мәче керергә тиеш түгел*»⁶⁴ («Мы будем жить

⁶³ Шаймиев М. Үсеш юлыннан (По пути развития) // Татарстан. – 1993. – № 10. – С. 4.

⁶⁴ Валиев Р. Бер татарны бишкә бүлмик без... (Не будем делить на пять один татарский народ...) // Татарстан. – 2002. – № 2. – С. 16.

дружно с башкирами – родственным нам народом. Между нами никогда *не должна пробежать черная кошка*»).

ФЕ в татарских политических интервью широко употребляются для передачи состояния человека. В рамках данной группы рассмотрено употребление ФЕ, выражающих практически всю палитру человеческих эмоций: радость, переживание, спокойствие, гнев, горе, интерес и т.д., посредством которых выражается отношение говорящего к описываемым событиям.

«Субъектларның мөстәкыйльлеге илдәге чимал ресурсларының шактый зур өлешен, инде болай да ярты илне диярлек турыдан-туры яки читләтеп хосусыйлаштырган олигархларның *саруын кайната*»⁶⁵ («Самостоятельность субъектов *действует на нервы* олигархам, которые и так уже напрямую или опосредованно приватизировали значительную часть сырьевых ресурсов страны и полгосударства»).

Наряду с ФЕ эмоционального состояния, в татарских интервью представлены ФЕ, передающие человеческие качества (положительные – усердие, ответственность, решительность и т.д., отрицательные – подхалимство, властность, надменность, упрямство и т.д.), употребление которых направлено на раскрытие особенностей поведения или деятельности как отдельных политиков, так и органов государственной власти.

«...алар *жиң сызганып* Россия – Татарстан килешүләрен тормышка ашыру өстендә *эшләргә тиеш*. Башка юл юк. Әгәр моны аңламасалар, тирән упкын барлыкка килчәк һәм ул мондый сәясәтчеләрне ресубликада яшәүчеләрдән аерачак...»⁶⁶ («...они должны *засучив рукава работать* над реализацией соглашений между Россией и Татарстаном. Другого пути нет. Если они этого не поймут, образуется глубокая пропасть, отделяющая таких политиков от жителей республики»).

Фразеологизмы, выражающие поведение политических субъектов, способствуют раскрытию особенностей функционирования политических субъектов (*үзе утырган ботакка балта чабу* (рубить сук, на котором сидишь), *юрганга карап аяк сузу* (по одежке протягивать ножки), *баиш тарту* (отказываться)) и поведение отдельных политических деятелей или группировок (*итәктән тарту* (держат за полу), *кәртне уйнатырга* (разыгрывать карту), *тиресен тунау* (раздеть донога / драть семь шкур / драть шкуру)).

«Кайчак *юрганга карап аяк сузарга* кирәклеге дә оныттык. Инде хәзер *итәкне жыеп*, чын хужаларча сакчылык белән яшәргә кирәк булчак»⁶⁷ («Иногда мы забывали *по одежке протягивать ножки*. А теперь же нужно будет действовать с осторожностью, просчитывая все вперед, как подобает настоящим хозяевам»).

⁶⁵ Галиев М. Өстән башланган революция (Революция, начавшаяся наверху) // Татарстан. – 1999. – № 1. – С. 21.

⁶⁶ Лихачев В. Декларация һәм Шартнамә – бер үк юл күрсәткечләре (Декларация и Договор – показатели одного и того же пути) // Татарстан. – 1994. – № 7. – С. 8.

⁶⁷ Мухамметшин Ф. Авырлыкларны бергә кичәргә туры килер (Трудности придется преодолевать вместе) // Ватаным Татарстан. – 2008. – 25 нояб. – С. 4.

ФЕ, относящиеся к области образования, являются самой малочисленной из всех представленных групп. ФЕ данной группы характеризуют неудачный опыт, связанный с деятельностью как отдельных политиков, так и государственных органов и государства в целом:

«Гомумән, Россия хөкүмәте бервакытта да *сабак ала белми. Сабак ала белергә дә кирәк бит*»⁶⁸ («Правительство России вообще никогда не умело *извлекать уроки*. А ведь *уроки извлекать* тоже нужно уметь»).

Важнейшую роль при описании политических явлений играют ФЕ, передающие национально-религиозные особенности татарского менталитета. В исследуемых текстах выделяются две группы таких фразеологизмов – ФЕ, выражающие особенности религиозного мышления татар и ФЕ, связанные с их сельским образом жизни.

Первая из указанных групп представлена следующими ФЕ: ФЕ *шайтаныма олак* (иди к черту) основана на образе шайтана (дьявол, черт), который у татар имеет отрицательный образ и считается подстрекателем ко злу и порокам; ФЕ *жәң ату* (стараться изо всех сил / не щадить себя), *жәңын саклап калырга* (остаться в живых), значение которых связано с понятием «жәң» (душа) как нематериальной сущностью, дающей начало и обуславливающей жизнь человека. ФЕ *Алланың кашка тәкәсе* (божий избранник / пуп земли), значение которой основано на представлениях татар о Боге (Алла) как высшей силе; ФЕ *Сират күпере кичү* (пройти круги ада / пройти через сорок смертей / перейти Рубикон), значение которой осмысливается посредством образа моста Сират, символизирующего сложность достижения цели.

«КГБ буйсынуындагы ил чиге сакчылары училищесына укырга керү *сират күпере кичүгә* тиң икән. Анда «урамнан кергән» кешене алмыйлар»⁶⁹ («Оказывается, поступить в училище пограничников при КГБ все равно, что *перейти мост Сират*. Туда людей «с улицы» не берут»).

ФЕ, связанные с сельским образом жизни татар, выражены следующими фразеологизмами: ФЕ *тәртәгә тибү* (закусить удила / выйти из повиновения), значение которой основано на сравнении с образом лошади, пытающейся выбраться из оглобли; ФЕ *тәртәдән чыгу* (закусить удила / выйти из повиновения), значение которой образовано путем сравнения с образом лошади, вышедшей из оглобли, передает такие присущие политическим деятелям качества как непокорность, вспыльчивость и желание выделиться из толпы. В контексте политических интервью для данной ФЕ характерно употребление субстантивированной формы (*тәртәдән чыгучылар* (закусившие удила / вышедшие из повиновения)).

⁶⁸ Миннуллин Р. Путин Татарстанга таянырга тиеш (Путин должен опираться на Татарстан) // Татарстан. – 2000. – № 8. – С. 8.

⁶⁹ Сабилов А. Без берәүгә дә «законга таянып» урлашырга булышмыйбыз (Мы никому не помогаем воровать «законно») // Татарстан. – 2004. – № 10. – С. 14.

«Шулай да үзгәртеп кору дигән нәрсә тиешле эзерлексез, бернинди анализсыз, стратегик планнарсыз башланып китте. Нәтижәдә, көйләнгән илнең планлы хужалыгы *тартәгә тибә баилады* һәм, вакыты житкәч, жимерелеп төште»⁷⁰ («И все же, так называемая перестройка началась без соответствующей подготовки, без анализа и стратегических планов. В результате налаженное плановое хозяйство страны *стало выходить из-под контроля* и, в конце концов, разрушилось»).

Для описания власти политики прибегают к ФЕ, в состав которых входит понятие «дилбегә» (вожжи). К примеру, обретение и утрата власти описывается при помощи двух противоположных по значению ФЕ – *дилбегәне кулга алу* (прибрать вожжи к рукам) и *дилбегәне кулдан ычкындыру* (распускать (отпускать) вожжи). ФЕ *дилбегәне кыска тоту* (держат накоротке), также понимаемая в контексте употребления термина «дилбегә», выражает контроль или власть.

«Республикаларның күбесе үзенең ирешкән дәрәжәсеннән канәгать булып, кайсыберләренә артыграк күренүе ихтимал, андый республикалар хокук вазифаларын үзәккә тапшырыр, ә менә кайберләре исә «дилбегәне» үз кулына алу жаен кайгыртыр»⁷¹ («Многие из тех республик, которые довольны своим статусом, некоторым могут показаться имеющими слишком высокое положение – такие республики правовые полномочия передадут Центру, а некоторые же будут стремиться *прибрать «вожжи» к своим рукам*»).

К вышеуказанной группе также относится ФЕ *күтәрәмгә калу* (одни ребра торчат), значение которой связано с особенностями сельского образа жизни татар, в частности, со скотиной (понятие «күтәрәм», которое лежит в основе данной ФЕ, связано с состоянием отощавшего скота, которого приходилось «ставить на ноги» (т.е. поднимать (күтәрергә)). В контексте татарских политических интервью ФЕ употребляется для выражения низкой эффективности, неспособности к функционированию отдельных экономических субъектов.

«Бит дәүләт секторындагы житештерү куәтенең өчтән ике өлеше *күтәрәмгә калган*, алар зыянга эшли, хезмәт хакын да түли алмый»⁷² («Ведь у двух трети производственной мощности государства *одни ребра торчат*, они работают себе в убыток и заработную плату выплачивать не могут»).

Отдельно стоит выделить группу ФЕ, образованных на основе собственно татарских языковых средств (*сару кайнау* (действовать на нервы), *кәкре каенга терәтү* (посадить в галошу), *төп башына утырту* (оставить в дураках) и т.д.), а также фразеологизмы, в составе которых употребляется заимствованная лексика (*лаф ору* (пустословить)), *гәп кору* (вести беседу), *сафсата сату* (пороть чушь) и т.д.).

⁷⁰ Табеев Ф. Л.И. Брежнев чорында һәм аннан соңгы сәясәт (Политика в эпоху Л.И. Брежнева и после нее) // Татарстан. – 2000. – № 8. – С. 41.

⁷¹ Шаймиев М. Үсеш юлыннан (По пути развития) // Татарстан. – 1993. – № 10. – С. 7.

⁷² Шарипов В. Акча жене (Дьявол денег) // Татарстан. – 2004. – № 4. – С. 51.

В заключении работы подведены основные итоги исследования, сформулированы обобщающие выводы.

Анализ метафорики в контексте татарских политических интервью показал, что метафора является важнейшей составляющей татарского национального сознания и играет значимую роль в осмыслении политических процессов. Изучение метафорического моделирования татарского политического дискурса позволило выявить особенности его организации, определить как общие закономерности употребления М-моделей, так и специфические черты, характерные для национального дискурса.

В ходе анализа было установлено, что фразеологический фонд татарского языка, будучи неисчерпаемым источником народной мудрости, отражает особенности национального мышления и менталитета, а также является эффективным средством осмысления реалий татарского политического дискурса.

Метафоры и ФЕ, образованные на основе собственно татарских языковых традиций и отражающие специфику менталитета и национального сознания в рамках татарского политического дискурса, являются неотъемлемой частью религиозного мышления татар и их сельского образа жизни.

Татарский политический дискурс в определенной степени подвержен влиянию интерференции, которая проявляется в употреблении метафор, заимствованных с русского языка методом семантического калькирования. В то же время, следует признать и тот факт, что, несмотря на влияние интерференции в условиях сложившегося в Татарстане двуязычия, татарский политический дискурс в целом соответствует языковым нормам татарского языка и в определенной степени сохраняет свою самобытность. Учитывая вышесказанное, вполне правомерно говорить о практической важности и перспективности дискурсивных исследований, которые при комплексном подходе могут внести определенный вклад в дело сохранения языка.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

В рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Хурматуллин А.К. Понятие дискурса в современной лингвистике / А.К. Хурматуллин // Ученые записки Казанского Государственного Университета. Серия Гуманитарные науки. – Казань, 2009. – Т. 151. – Кн. 6. – С. 31–37.
2. Хурматуллин А.К. Особенности употребления метафор в политическом дискурсе (на примере татарских и арабских политических интервью) / А.К. Хурматуллин // Вестник Башкирского Университета. Раздел филология и искусствоведение. – Уфа, 2010. – Т. 15. – № 3. – С. 685–688.

В научных сборниках и журналах:

3. Хурматуллин А.К. Понятие «дискурс» в современной лингвистике / А.К. Хурматуллин // Ученые записки – 2007: Сборник / научн. ред. И.А. Гилязов. – Казань: Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2008. – С. 327–335.
4. Хурматуллин А.К. К вопросу об определении термина «дискурс» / А.К. Хурматуллин // Филология в полиэтнической и межконфессиональной среде: состояние и перспективы / Сборник научных статей. – Казань: РИИ, 2009. – С. 284–292.
5. Хурматуллин А.К. Употребление метафор в политических интервью (на примере татарских, английских и арабских интервью) / А.К. Хурматуллин // Лингвистические исследования: Сборник научно-методических работ / Под общ. ред. Н.В. Габдреевой, Г.Ф. Зиннатуллиной. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2009. – С. 184–194.
6. Хурматуллин А.К. Особенности употребления фразеологизмов в татарских и арабских политических интервью / А.К. Хурматуллин // Татарская культура в контексте европейской цивилизации: материалы международной научной конференции. – Казань: Ихлас, 2010. – С. 110–111.
7. Хурматуллин А.К. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в татарском политическом дискурсе (на примере информационных интервью) / А.К. Хурматуллин // Хаковские чтения 2010 (материалы региональной научно-практической конференции студентов и аспирантов, посвященной памяти заслуженного профессора КГУ В.Х. Хакова). – Казань: Ихлас, 2010. – С. 174–177.
8. Хурматуллин А.К. Отражение национальной специфики в фразеологизмах татарского политического дискурса (на примере информационных интервью) / А.К. Хурматуллин // Филология в полиэтнической и межконфессиональной среде: состояние и перспективы (выпуск 2) / Сборник научных статей. – Казань: РИИ, 2010. – С. 127–134.
9. Khurmatullin A. Tatarstan: Islam entwined with nationalism / A. Khurmatullin // Russia and Islam: state, society and radicalism / Ed. by R. Dannreuther, L. March. – London: Routledge. – pp. 103–121.

Подписано в печать 27.12.2010. Формат 60×84 ¹/₁₆
Тираж 100 экз. Усл. печ. л. 1,75

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ
г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. (843) 292-95-68, 292-18-09